

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

М. Кайзер*

ЕВРАЗИЯ: СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?***

Глобальность или мультилокальное присутствие (*multilokale Verortung*) и локальность понимаются сегодня повсеместно и преимущественно не как противоположности, но как взаимно опосредующие инстанции, которые становятся понятны лишь относительно друг друга [1]. Аппадурои видит в этом также основание для отхода от территориально фиксированного понимания общества [2; 3]. Пространственная пустота «социального» все больше ставит под сомнение не только связь с местом, но часто даже отнесенность к месту производства коллективной идентичности. Ведь данная Аппадурои и Нидервеном картина возможных жизней является скорее сочетанием идентификаций, которые выделяются в собственной конструкции идентичности и заново комбинируются. Поэтому У. Бек призывает распрощаться с идеей о существовании ясно определяемых культур, носителем которых является народ, живущий на территории одного государства [4]. Скорее имеется «среда обитания значений» — пространства значений, в которых различные культурные символы распространяются на разные расстояния и при этом переплетаются, нарушая границы культур, народов и государств [5, р. 21–23].

Новая региональная география объясняет со своей позиции вопросы концептуализации количественно растущих «многомерных экономических географий» [6; 7]. При анализе социальных перемен и их включении в специфические пространственно-временные рамки особое значение придается понятию региона. Определенное напряжение образуется при этом между скорее традиционными политико-

* Предоставлена оригинальная статья: Kaiser M. Eurasien: Gesellschaftliche Realitaet oder Mythos?

*** Важные дискуссии с Х.-Д. Эверсом в рамках моей исследовательской работы о неограниченном неформальном торговом секторе в Центральной Азии исходят из тезиса о том, что, возможно, появившееся с распадом Советского Союза расширение рынка ведет к социокультурным интеграционным процессам вдоль исторического Шелкового пути. Тематизация отношений между экономикой и культурой, рынком и этничностью была центральным пунктом этих дискуссий, побудивших меня к написанию этой статьи.

экономическими (независимыми от контекста) и новейшими этнографическими (связанными с контекстом) подходами. Инновационные побуждения исходят прежде всего из следующего: «В частности, это означает сосредоточение на тех специфических сетях, взаимодействиях и социальных условиях, в пределах которых протекает социальная деятельность — включенность социальных изменений. <...> Прежде всего, это означает реадaptацию «региона» как стержневого понятия. Регион рассматривается скорее в более общих терминах, нежели как ограниченная территориальная единица: он понимается как место встречи социальной структуры и человеческой деятельности; как обрамление социального взаимодействия; и как место, где социальная деятельность (повседневная жизнь) разыгрывается посредством сложного переплетения жизненных путей» [6, р. 826]. Эта связь человеческого действия и пространства, или когнитивного освоения пространства в рамках теории действия обнаруживается в растущем употреблении понятия «Евразия» на фоне региональной трансформации, распространения рынка и глобализации [8–10].

1. «Евразийцы»: определение понятия

«Евразийство» — это конструкт идентичности, который возник среди русских эмигрантов в Софии, Праге, Париже и особенно в Вене под влиянием знаменитого лингвиста князя Н.С. Трубецкого в период между первой мировой войной и концом 1920-х гг. последнего столетия [11, S 139]. Идеи «евразийцев» были отражены прежде всего в появившемся в 1921 г. в Софии сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и исполнение. Утверждения евразийцев» и в так называемой «Евразийской хронике», а также в издаваемой с 1928 г. под советским влиянием газете «Евразия» [12]. В 1923 г. «Евразийском ежегоднике» Трубецкой писал об (индо-) евразийской языковой семье. С «евразийством» связана критика западной прогрессивной модели (ключевое слово: воинствующий экономизм) с релятивистской картиной культуры и истории, в частности, сильная критика идей Освальда Шпенглера. В одной из своих статей 1925 г. географ и политический мыслитель Савицкий, который считается собственно основоположником евразийского движения, писал: «Евразийская концепция является решительным отказом от культурно-исторического европоцентризма: отказом, который вытекает не из каких-то эмоциональных переживаний, а из определенных экономических и философских предпосылок. Одна из таких предпосылок — это отрицание универсалистского понимания культуры, которое господствует в новейших "европейских" представлениях» (цит. по: 12, S. 10)]. На этом фоне «евразийцы», между прочим объявившие себя сторонниками православного христианства, развивали идею, что Россия представляет собой нечто третье, что не относится ни к Европе, ни к Азии, а скорее является евразийским феноменом. Хотя идея направлена как против «славянофилов», так и против «западников», Игнатов, защищая западноевропейское мышление, относит евразийцев скорее к «славянофилам» [13; 14]. Также неоднозначно расценивает Игнатов отношение «евразийцев» к большевизму, который воспринимается ими как «меньшее зло в сравнении с политической зависимостью от стран Запада» [12, S. 26].

Понятие «Евразия» относится, таким образом, к географической, этнической и культурной идентичности России, которая в глазах последователей такой концеп-

туализации — «евразийцев» существует независимо от остальной Европы и Азии и должна укрепляться и поддерживаться русской политикой. Под Азией, в отличие от «Евразии» (России) понимались Япония, Китай (по ту сторону Китайской стены), Индокитай, Иран и Ближний Восток, под Европой — сегодняшние государства Европейского Союза [15, S. 26]. Разделение России на европейскую и азиатскую части считалось неверным. России стремились придать новую единую идентичность, которая включала бы как европейское, так и азиатское влияние. При описании того, что значит евразийская идентичность, использовались природные, культурные доказательства, социолингвистические данные и дискурсы о менталитете. Географически Евразия и ее культуры объединены и конституированы степями и лесистыми регионами. Согласно Рошанскому, Византийская империя и Монголия исторически представляют собой два прочных евразийских государственных основания [16]. Монгольское государство облегчило становление русского государства, а из византийского наследия возникла «православная государственность» России.

Понятие «Евразия», которое выходит за пределы России, было введено австрийским геологом Эдуардом Зюссом в его трехтомном труде «Лик Земли» (1885 — 1909 гг.) [15, S. 25]. Он подчеркивает взаимосвязь земельных массивов Европы и Азии [10]. Для анализа сегодняшнего развития новых независимых государств, которые возникли после распада Советского Союза, это обстоятельство является центральным исходным пунктом. Уже из истории Шелкового пути и последующего исторического процесса очевидно — в Центральной Азии столкнулись влияния различных частей Европы и Азии.* Как раз в это время началась рыночная экспансия — караванная торговля вдоль Шелкового пути, двигатель социокультурных изменений.

После распада Советского Союза понятие «Евразия» стало широко употребляться не только в журналах, исследовательских учреждениях, культурных проектах и т.д.**, но и в сфере политики. Так, президент Казахстана Назарбаев использовал его, чтобы символизировать принадлежность своего государства к Европе и к Азии через географическое положение и объяснить разделение населения на европейско-русскую (большую) и азиатскую части. Последний президент Советского Союза М. Горбачев называл Советский Союз евроазиатской страной, говоря о мусульманской части населения, которая тогда могла стать самой большой груп-

* Речь идет о Монголии, Китайской Империи Хинь-Янь, Казахстане и государствах советской Центральной Азии (Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). «В демографических и экономических терминах все пять государств [Центральной Азии — М.К.] являются частью третьего мира. В них высокий уровень рождаемости, непропорционально молодое население и продолжительность жизни во всем регионе значительно ниже, чем в более развитом мире. Во всех пяти странах низкий доход на душу населения, низкий уровень производства и большая часть населения занята в сельском хозяйстве» [17, p. 2].

** Можно обратиться к ряду переименований или новых названий, которые показывают возрастающий интерес к «евразийским» вопросам. В качестве примера можно назвать: Europe-Asia Studies (ранее Soviet Studies), Eurasian Studies Yearbook, Eurasian Studies, Slavic Review (подзаголовок: American Quarterly of Russian, Eurasian and East European Studies), Bibliographic Guide to Slavic, Baltic and Eurasian Studies, The Modern Encyclopedia of Russian, Soviet and Eurasian History (ранее The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History), The Modern Encyclopedia of East Slavic, Baltic and Eurasian Literatures (ранее The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures), Acta Eurasiaca.

пой населения. По этой причине и на основе уважения обеих групп в области политики (как, например, в сфере языка) страна должна быть интегрирована, не форсируя гомогенизацию. В современной Российской Федерации понятие «Евразия» используется прежде всего теми, кто хочет дистанцироваться от Европы и для этого опирается на византийское наследие и русские земельные массивы на азиатском континенте, а также теми представителями Западной, Центральной и Восточной Европы, которые стремятся доказать недемократичность азиатских политических и культурных традиций, чтобы воспрепятствовать европейским амбициям России. Ссылаются также на 20 % мусульманского и (совсем небольшую) часть буддистского населения России.* Но и в 1920-е гг. в парижской или других европейских эмиграциях это понятие употреблялось по-разному [27]. В ряде русских публикаций, в частности, в появившейся в Москве Acta Eurasica и в ряде новых публикаций [16; 28] с начала 1990-х гг. снова обсуждалось значение евразийской концепции для современной России. Возникает вопрос, идет ли речь о мифе или «Евразия» является социальной реальностью, эмпирически познаваемым социальной наукой базисом.

Понятие, используемое здесь, охватывает географическое пространство «Евразии» и, значит, юго-восточные и восточноазиатские, среднеазиатские и европейские государства. Актуальные экономические данные, хозяйственные и политические процессы позволяют выявить тенденции интеграции внутри этого геополитического пространства, которым соответствует миф о Шелковом пути [10]. При этом рыночная экспансия вдоль границ бывшего Советского Союза, кажется, вновь будет решающим фактором новейших социокультурных изменений. Итак, что же такое «Евразия» — лишь дипломатический дискурс, неоимпериализм или «евразийское» пространство в стадии становления?

2. Геополитическая Евразия: «Хартленд»

Британский географ Хэлфорд Маккиндер в конце XIX в. (1904 г.) считал регион, который соответствует территории бывшего Советского Союза (а также части территории Монголии, Китая, Кавказа и Северного Ирана) *«географическим стержнем истории»* [29]. В его географическом анализе мировой истории европейцы достигли господствующего положения на *«Колумбовой сцене»* [29] благодаря колонизации. Решающим при этом стал доступ европейских держав к морю и тем самым достигимость внеевропейских земель и континентов через океаны. «Однако на постколумбовой сцене равновесие угрожает переместиться обратно в Азию, где железные дороги изменяют условия мощи страны и угрожают континентальным ресурсам хартленда быть использованными в качестве базы мировой империи» [7, р. 31]. Центральная причина усиления великих держав состояла, согласно Маккиндеру, в развитии инфраструктуры, которая позволяет использовать и стратегически применять ресурсы определенных областей. С другой стороны, этому сфокусированному на государстве рассмотрению соответствует параллельно наблюдаемое расширение рынков сырья.

* В огромном количестве новейших публикаций обсуждаются напряженные отношения между Европой и Азией — в России, в новых независимых государствах [18–25] или в турецкой политике [26].

Если европейские державы в прошлом успешно совершали это на морском пути, то Россия сформировалась как сухопутная держава, которая вступила в конкуренцию с европейскими морскими державами, освоив колоссальные ресурсы народонаселения и полезных ископаемых. Одним из важнейших элементов инфраструктуры для этого была построенная в 1903 г. транссибирская магистраль [11, S. 139].

Центральная Азия представлялась Маккинтеру регионом, в котором морская держава Великобритания, господствовавшая в Индии и арабском мире, столкнулась с сухопутной державой Россией, а потом и США столкнулись с Советским Союзом [29]. «Хотя Маккинтер изменил бы свои взгляды и территориальные масштабы в последующие 40 лет, суть его концепции остается прежней: тот, кто будет управлять и развивать обширное богатство Евразии, будет с необходимостью господствовать в мире» [30, p. 34].

Для Маккинтера география представлялась лишь инструментом империализма: «География Маккинтера, во-первых, была побуждением к новой имперской идентичности, <...>, во-вторых, была призывом к простым англичанам подумать о своих интересах в мировом масштабе. <...> Наконец, география Маккинтера была стимулом к имперской биополитике, состоявшей в надзоре, администрировании и контроле за надлежащим здоровьем рабочих классов, чтобы рабочая сила нации была готова к борьбе за империю. Не только умы масс, но и их повседневные привычки и тела должны были быть колонизированы» [7, p. 109]. Хотя Маккинтер никогда не употреблял понятия «геополитика», его размышления о значении пространства и использовании его ресурсов считаются исходным пунктом для геополитического и стратегического мышления* [29].

Во время и после второй мировой войны представления Маккинтера оказывали все большее влияние, и понятие «хартленда» в конце концов закрепилось за Советским Союзом [7, p. 76]. Во время холодной войны теория «эффекта домино» стала основным геополитическим представлением в глазах американцев и превратила регионы южнее Советского Союза в «дугу нестабильности». Конфликты в этом регионе всегда возникали из-за геополитических интересов великих держав. И если их нет сегодня, то это значит, что жесткое столкновение систем уступило место более сложной и тонкой конкуренции.

Распад Советского Союза вновь делает возможной через независимые республики Центральной Азии связь двух динамичных полюсов роста,** формирование оси от Европы через Восточную Европу, Турцию и Средний Восток до Восточной и в особенности Юго-Восточной Азии.

* Понятие геополитики было введено в 1899 г. шведским политологом Рудольфом Кьеленном, который обозначал этим стратегию национальных государств, которая направлена на достижение глобального господствующего положения [31, p. 1]. Мной геополитика понимается более широко, чем изучение влияния географических факторов на принятие политических и экономических решений. Так как данное понятие часто применяется в смысле империалистической политики и особенно идеологии национализма, я бы хотел здесь однозначно отмежеваться от такого употребления термина геополитики.

** Хотя история двенадцати независимых государств — Армении, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Украины и Узбекистана — во многом связана друг с другом, в дальнейшем я остановлюсь на развитии в Центральной Азии.

3. Новая Евразия: неоимпериалистические интересы?

С исчезновением Советского Союза геополитический интерес к Центральной Азии не только не ослаб, но и приобрел два новых аспекта. В Центральной Азии появились многочисленные новые независимые государства, которые являются теперь предметом иностранных интересов и борются за влияние в регионе.

Географические условия пяти центральноазиатских государств соответствуют, с точки зрения Маккиндера, условиям державы [29]. Так как у них нет доступа к мировому океану, то для развития этих государств решающую роль играют связи с соседними странами и возможности использования их транзитных путей, в частности, воздушного сообщения, во всех международных контактах и особенно в международной торговле.

На первом плане новейшего развития перед Узбекистаном, Казахстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Кыргызстаном стоят две цели: политическая независимость и экономический подъем. Трудность состоит при этом в том, чтобы достичь обеих целей одновременно, не подменяя одну цель другой. Приобретение и стабилизация политической независимости требует серьезного ослабления влияния России, которое все еще очень сильно. Однако это могло бы стать фатальным для экономики, так как Россия является важнейшим торговым партнером. Поскольку при обращении к другим государствам возникает опасность лишь смены «старшего брата», то лучшей стратегией для достижения как политической независимости, так и экономического развития представляется широкая диверсификация кооперации с другими государствами. Как раз этой стратегии, по-видимому, и следуют пять центральноазиатских государств и, принимая во внимание многочисленные предложения сотрудничества от многих государств, она кажется вполне возможной.

*3.1. Европейский Союз и новые независимые государства: ТАСИС**

С распадом Советского Союза Европейский Союз для сотрудничества с новыми независимыми государствами инициировал в конце 1991 г. программу ТАСИС. Режим работы представляет собой трансфер знания, например, в области юридического обслуживания или финансового менеджмента, — это главный предмет программы ТАСИС. Финансирование проектов осуществляется совместно с международными финансовыми организациями. *«Из-за ограниченности бюджета роль ТАСИС состоит скорее в поиске и поддержке инвестиций, чем в ее собственных инвестициях»* (Explanatory Memorandum). Конкретные инициативы складываются из таких больших проектов, как TRACESA (развитие инфраструктуры) или INOGATE (нефте- и газопроводы). При этом ясная цель Европейского Союза — это установление демократии и рыночной экономики.

Демократия. *«В этой области [демократии — М.К.] помощь будет направлена на содействие хорошему правлению посредством поддержки политического процесса и поддержки ключевых институтов законодательного, судебного и административного аппарата»* (Explanatory Memorandum). Помимо реформ в государственной, институциональной области следует способство-

* Описание инициатив ТАСИС основывается преимущественно на «Explanatory Memorandum» ЕС (см.: europa.eu.int/comm (02.06.2000)).

вать прежде всего развитию организаций гражданского общества, например, поддерживать активность объединений потребителей или представительств определенных профессиональных групп.

Рыночная экономика. Так как отсутствие законодательных и административных условий составляет главное препятствие для увеличения иностранных инвестиций, центр тяжести инициатив в экономике находился прежде всего в реформах, направленных на приватизацию, либерализацию рынков и создание рыночно-экономических институтов и регулятивных структур.

Так как ТАСИС часто не располагает финансовыми средствами для поддержки даже рекомендованных реформ, то нет проектов и исследований по проблематике, о которой известно, но на которую нет ни собственных, ни других средств. *«Финансирование исследований экономической целесообразности, не связанное с возможностью последующих инвестиций, не будет поддержано»* (Explanatory Memorandum). Вследствие этого такие важные проблемные области, как безработица, социальное положение в целом или охрана окружающей среды остаются без внимания. *«Заккрытие неконкурентоспособных производств и реструктуризация сферы услуг создала широкомасштабную безработицу. Социальное обеспечение было сокращено»* (Explanatory Memorandum).

Программа TRACECA* (TRAnsport Corridore Europe Caucasus Asia) была основана в мае 1993 г. на одной из конференций Европейского Союза в Брюсселе. В 1995 г. схожая программа была учреждена ООН вместе с САЕТТИ (Central Asian External Trade and Transit Transport Initiative) при UNCTAD. Цель обеих программ — содействие и техническая помощь развитию транспортных сетей (железные дороги, автомобильное, воздушное и морское сообщение) между Европейским Союзом и государствами Центральной Азии и Кавказа (Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан). В 1996 г. Монголия и Украина, а в 1998 г. Молдавия были приняты в число стран-участников программы TRACECA. 7–8 сентября 1998 г. в Баку (Азербайджан) состоялась конференция *«TRACECA — возрождение Шелкового пути»*. Круг участников был представлен президентами «Азербайджана, Болгарии, Грузии, Кыргызстана, Молдовы, Румынии, Турции, Узбекистана и Украины, представителями комиссии Европейского Союза, а также главами правительств, министрами транспорта и экспертами из 32 стран мира» [32]. Кроме того в конференции принимали участие еще 12 представителей международных организаций. «Главным достижением конференции было подписание главами делегаций Армении, Азербайджана, Болгарии, Грузии, Кыргызстана, Молдовы, Румынии, Таджикистана, Турции, Украины и Узбекистана "основного многостороннего соглашения о международном транспорте для развития транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия и технических приложений к основному соглашению: международный железнодорожный транспорт, международный дорожный транспорт, международная торговая морская навигация, таможенные процедуры и правила оформления документов"» [32]. Достижению этих целей должна содействовать постоянная комиссия в Баку, которая обеспечивается ЕС в рамках программы TRACECA.

* В рамках программы «ТРАКЕКА» до этого были осуществлены 25 «технических вспомогательных проекта» в размере 35 миллионов евро и 11 «инвестиционных проектов» в размере 47 млн. евро (см.: www.traca.org (20.05.2000)).

Возникшие благодаря этому дороги должны быть связаны с TEN (Trans European Networks), чтобы развивать контакты между Европой и пока слабо интернационально интегрированными странами Азии. Все эти инициативы используют миф о Шелковом пути и решают крупную задачу инфраструктурного освоения Евразии. «В качестве „Шелкового пути XXI в.“ обозначается такой „евразийский коридор“, который ЕС при поддержке Соединенных Штатов хочет организовать на южной окраине Российской Федерации» [33, р. 14].

Инфраструктурное объединение европейских и азиатских земельных пространств в сеть дорог и железнодорожных путей, трубопроводов и портов, воздушных коридоров должно вывести новые независимые государства из территориальной изоляции. Успешное развитие транспортных путей — это условие более быстрой и мощной интеграции регионов. Решающим шагом в направлении этого развития становится, конечно, также расширение ЕС на восток, благодаря которому экономическое пространство ЕС станет не только больше, но у него появятся новые границы на востоке и прямой доступ к Черному морю. Между тем примечательно также, что внутри ЕС, равно как у многосторонних партнеров, понятия «Евразии» или «Шелкового пути» уже сейчас используются для символической интеграции региона.

3.2. США и новые независимые государства: «Евразия»

США сразу установили контакты с новыми независимыми государствами Центральной Азии и Кавказа, а с Казахстаном даже до распада Советского Союза. Важнейшими целями американского правительства при этом являются:

- ликвидация атомного оружия в Казахстане;
- воздействие на процесс создания и использования новых трубопроводов, которые должны пройти мимо России и Ирана;
- установление демократии и рыночной экономики при одновременном вытеснении исламского и русского влияния [34].

Значение геополитических целей — усиление Турции как партнера США — оказывается особенно очевидным в свете того факта, что трубопровод по инициативе США должен (и будет, как было решено) проходить через черноморские порты Баку (Азербайджан) в Турцию на Джейхан, хотя этот путь дороже, чем тот, который проходит через Россию или Иран, чья стратегическая роль должна быть минимизирована. «Стратегическое значение попытки воспрепятствовать России и Ирану в их традиционных областях влияния еще не исчерпало себя, но лежащая в ее основе предпосылка, что экономический и коммерческий прогресс может быть подчинен политическим и геостратегическим задачам, вызывает сомнение, во всяком случае, на нефтяном рынке» [35, р. 18]. «Миллионы долларов тратятся на лоббирование интересов нефтяных компаний, которые хотят заниматься бизнесом в Иране, не считаясь со стратегическими интересами США» [36].

Цели ЕС и США кажутся в общем схожими [37]. Однако в глазах некоторых центральноазиатских государств установление демократии по инициативе США скрывает и несколько другие цели. «Для того чтобы сохранить свое геополитическое влияние, США закрывали глаза на существование авторитарных режимов и успешно сотрудничали с ними, если это соответствует их так называемым "жизненно важным интересам". ЕС же, наоборот, на своих границах хочет иметь поли-

тически и экономически устойчивое и предсказуемое пространство, в котором соблюдаются европейские парламентские стандарты и которое состоит из организованных и сотрудничающих друг с другом государств, созданных по модели ЕС» [38]. Эти основные (гео-) политические положения зафиксированы в «*Стратегическом акте Шелкового пути*» («*Silk Road Strategy Act*» — текст закона США), и там также используется единица анализа «Евразия».

На этом макрополитическом уровне можно констатировать политику неоимпериалистских интересов, которая имеет прозападные черты [37]. «Укрепление суверенности новых независимых государств и гарантия доступа межнациональных концернов к их природным ресурсам ускорили бы процесс принуждения Москвы окончательно отказаться от ее неоимпериалистической позиции» [33, р. 14]. В соответствии с историческим образцом «евразийцев» ориентация на западную рыночную экономику сменилась переориентацией некоторых центральноазиатских государств и политических протагонистов региона на «японскую модель», которая отводит государству более значительную роль в управлении экономикой.

3.3. Япония и новые независимые государства

В июле 1997 г. тогдашний премьер-министр Японии Хашимото объявил о начале новой «*Евразийской дипломатии*» [35, р. 22]. Несмотря на относительно позднее в сравнении с США или Европейским Союзом развитие контактов между Японией и центральноазиатскими государствами финансовый вклад Японии быстро вырос до потрясающих размеров. Конечно, если учесть большие вложения США в проекты в Армении, то обнаруживается больший финансовый вклад США в этом регионе. «*Если не принимать во внимание фонды Армении, помощь Токио экономическому развитию возросла от приблизительно 36% помощи Вашингтона в 1994 г. до более 108 % в 1997 г.*» [35, р. 24]. Японские инициативы, например, от Mitsubishi Cooperation, концентрируются на существенных экономических факторах Центральной Азии — энергетике и транспорте. Согласно японской стратегии развития, частный сектор в Японии должен принять ведущую роль в сотрудничестве с центральноазиатскими предприятиями и при поддержке японского государства инициировать долгосрочные выгодные проекты. «Японские торговые дома заинтересованы в увеличивающемся присутствии Японии на разнообразных региональных рынках, но заинтересованы больше в объеме, чем в получении прибыли, в долгосрочном росте и сотрудничестве с местной промышленностью и правительствами и в удержании капитала посредством приобретения активов, пока барьеры для вступления в рынок достаточно низки» [35, р. 27].

Для центральноазиатских государств Япония представляет собой особенно привлекательного экономического партнера по двум причинам. Во-первых, Япония гораздо менее значима в области политической безопасности, чем Россия, США или Европейский Союз и таким образом является политически нейтральным партнером. Во-вторых, японская экономическая модель предлагает как интересную экономическую альтернативу западным представлениям, так и источник азиатской идентичности.

Сотрудничество между Европейским Союзом, США и центральноевропейскими государствами во всех аспектах помимо экономической значимости всегда имело ясную (гео-) политическую цель. Оно ослабляло влияние России и Ирана. Однако для

Центральной Азии это означало сильную зависимость от Запада и принудительное, под сильным давлением совместных соглашений, принятие западных экономических моделей и западного понимания политики. Опираясь на евразийские инициативы Японии, главы государств Казахстана и Узбекистана объявили об отказе в дальнейшем следовать только западным планам реформ и об ориентации на японскую модель. «Он (Назарбаев) по-прежнему не расположен поддерживать западную стратегию развития, одной из основных целей которой является уменьшение влияния Москвы. Он ищет сбалансированной внешней политики со стратегическими союзниками на восточном конце Шелкового пути, такими, как Япония, Южная Корея, Малайзия, Индонезия и Сингапур, а также друзей на Западе» [35, р. 35].

Экономические и политические отношения между Японией и центральноазиатскими государствами основываются также на культурных и этнических связях, которые оживляются и переосмысливаются. «Отчасти интерес японцев к киргизам и казахам был схож с турецким стремлением к возобновлению контактов с тюркскими народами в Центральной Азии в 1990 г. Японцы чувствовали культурную и этническую общность с народами, разделяющими монгольское, северо- и восточноазиатское наследие, и они предложили приемлемый повод для предпочтения одного государства перед другим в момент, когда основания связей были не продуманы» [35, р. 25].

Интеграция Европейского Союза соответствует, хотя и на низком уровне в Азии, попытке объединения восточно- и южноазиатских экономических пространств (ASEAN, Pacific-Rim), но, возможно, также открытию Японии для Запада, Центральной Азии и впоследствии для Китая.

В медиа-дискурсе Центральной Азии в отношении сотрудничества с США, Европейским Союзом и Японией зачастую указывается на азиатское бытие и азиатские ценности в отличие от европейских трансформирующихся стран. В азиатском мышлении коллектив традиционно стоит над индивидом — таковы популярные доводы, которые определяют восточно- и южноазиатские дебаты об «азиатских ценностях» [39]. Эта критика западного индивидуализма и модели прогресса представляет собой Ренессанс «евразийских» дебатов 1920-х гг. Предпочтение отдается азиатской модели развития, при которой происходит включение в рыночную экономику при последующей демократизации, в отличие от восточноевропейских моделей одновременной демократизации.

Хотя пока что это в основном политическая риторика, между Азией и Европой образуются все более тесные экономические, государственные, политические отношения и виртуальные сети, Европейский Союз добивается расширения на восток и западное экономическое сотрудничество все больше учитывается центральноазиатскими республиками. Например, в 1997 г. российское монопольное предприятие Газпром, французская нефтяная компания TOTAL и малайзийское общество PETRONAS заключили соглашение о сотрудничестве в добыче природного газа в Центральной Азии [33, р. 15]. Другими словами, поворачиваются Европа и Азия друг к другу [10] — или все-таки нет?

4. Антитезис об интеграции в евразийском культурном пространстве: столкновение цивилизаций

В 1993 г. американский политолог Самуэль Хантингтон в своем эссе «Столкновение цивилизаций?» в связи с распадом восточного блока сформулировал пара-

дигму нового миропорядка, в которой представлены будущие линии разлома мирового общества на разные пласты «мировых культур». Не претендуя на это прямо, он формулирует геополитический манифест для времени после противостояния Восток-Запад.

В основе многократно обсужденных и даже отвергнутых тезисов Хантингтона лежит предположение о том, что культуры отделены друг от друга непреодолимыми различиями в мировоззрении, например, в общественном порядке, личной свободе, вере и т.д., и что эти различия на основе растущей мировой интеракции акторов в ходе глобализации сознательно доводятся до контраста. Как об особенно кризисном и чреватом конфликтами он говорит об исламе с его «кровавыми границами» и его конфликтным потенциалом во всех «смешанно-культурных взаимосвязях». Исходя из культурных форм интеграции, Хантингтон полагает, что разделение мира на цивилизации стоит на первом плане и культурные столкновения складываются в форму «*столкновения цивилизаций*», конкурентных экономических отношений между нациями и регионами [40; 41].

Характеризуя «евразийское» культурное пространство, Хантингтон [27] называет Турцию «страной на перепутье», т.е. государством, которое не знает, принадлежит ли оно к западной цивилизации или нет. Хантингтон пишет: «Отвергнув Мекку, а затем будущи отвергнутой Брюсселем, куда смотрит Турция? Ответом может стать Ташкент» [40, р. 42]. Пренебрегая государственными границами, он рассуждает о возрожденной турецкой цивилизации, которая могла бы охватить пространство от Греции до Китая. Однако в подобных примерах он усматривает скорее исключение из правила, чем само правило.

О русском присутствии на Кавказе велись острые дебаты в «*Московских новостях*» в феврале 1992 г., причем, с одной стороны, оно оценивалось как историческая ошибка, а с другой, оправдывалось как необходимое присутствие российской власти задолго до чеченской войны. В этих новейших русских «евразийских» дебатах было указано, подобно Хантингтону [40; 41], прежде всего на конфликт между исламской и христианской культурами. Например, в автономных областях Кавказа существуют фундаменталистские устремления, которые со своей стороны отвергают российско-советские рамки и на этом фоне требуют своей независимости. Этот регион вообще отличается неоднородной структурой поселений от по меньшей мере 10% доли европейского населения в Дагестане до 68% в соседней автономной области Адыгее. Население Казахстана состоит из 46% казахов и 43,8% населения европейских групп (русские, немцы, украинцы, белорусы и др.) [42]. В континууме идентичности европейская часть переходит в азиатскую, соответствующая доля населения данных религиозных и социолингвистических групп постепенно то возрастает, то падает. Неоднородная структура поселений (особенно в урбанизированном центре) и пересекающиеся концентрические районы областей поселений социолингвистических групп преобладают вдоль линии между Билефельдом и Сингапуром.

Дефицит концепта у Хантингтона вытекает как раз из того, что он, подобно Уоллерстейну [43; 44], делит мировое общество на ограниченные друг от друга, однако внутри себя относительно однородные и экономически и/или культурно тесно интегрированные пространства, которые, тем не менее, нельзя увидеть эмпирически в «евразийском» культурном пространстве. Гомогенность культур, согласно Н. Питерсу [1], в общем переоценивается, следовательно, упускается тот факт, что

часть этой культуры является результатом глобального культурного смешения. Возражая на это, Хантингтон [40; 41] со своим (спорным) проектом однородных цивилизаций намечает четкие детерминанты линий конфликта и при этом позволяет отойти от прагматических аспектов международной политики, скрывающейся за культурным фундаментализмом. Равным образом отвергаются в качестве источника конфликта экономические факторы, и неопределенное представление Хантингтона о фундаменталистском исламе служит источником враждебных западных представлений о нем. Несмотря на обширную единодушную критику тезисов Хантингтона, примеры аналогичных объяснений можно найти в некоторых публикациях о регионах Центральной Азии, регионах, которые лишь недавно смогли привлечь к себе научный и геополитический интерес. Даже если это эксплицитно не формулируется, столкновения славянского и мусульманского населения считаются конфликтным потенциалом будущего, дестабилизирующим фактором в регионе и большим вызовом для правительств данных стран.

5. Взаимопроникновение Азии и Европы в Евразии: одна реальность?

Под глобализацией я понимаю процесс, который упраздняет значение геополитики в долгосрочном плане. Полностью глобализованный мир — это мир, в котором события в каждой точке Земли сразу же прямо влияют на события в любом другом месте [45]. Географические аспекты, как, например, расстояние от одного государства до другого, больше не играют никакой роли, и геополитика сводится к политике. Таким образом, мир можно представить как политически высоко значимый и полностью глобализованный мир, как континуум между противоположными полюсами.

Решающим «инструментом» процесса глобализации является развитие инфраструктуры, которая меняет значение пространств, пространственной разделенности посредством «коммуникативной доступности» [46, S. 618] всех людей и возможностей перемещения всех товаров и людей в любое место. При этом глобализация представляет собой процесс, который для некоторых начался уже тысячелетия, для других несколько столетий назад, т.е. задолго до подъема Европы к мировой власти (см., например, историю Шелкового пути). Конечно, господствует единодушное мнение по поводу того, что на определенных фазах этот процесс постоянно скачкообразно ускорялся. Значение геополитических факторов постепенно, по мере развития инфраструктуры, снижалось к освоению пространства, но несмотря на прогрессирующую глобализацию, все еще остается существенным. «Конец XIX века <...> увидел драматические перемены в организации временного пространства с распространением железных дорог, телефонов, пароходных линий, международных новостей, фотографии, кино и торговых и инвестиционных потоков» [31]. Толчком для таких внезапных изменений является в большинстве случаев техническое развитие элементов инфраструктуры, как, например, Интернет, или политические изменения. Распад Советского Союза и процесс интеграции новых независимых государств могут быть проинтерпретированы как такого рода «скачки».

5.1. Транснациональные движения и транслокальность: «евразийская реальность»

В ходе новых миграционных движений послевоенного времени во всех индустриальных странах возникли этнические общности со свойственной им средой, кар-

тиной мира и институтами. Транснациональные сети мигранты формируют уже для стабилизации путей перемещения [47; 48]. В противоположность этому в классических исследованиях миграции проводится аналитическое разделение места происхождения и места прибытия. Социальное существование в рамках национальных государств обеспечивается транснациональными общностями мигрантов. У. Ханнерс, Л. Прайес, С. Халл [5; 48; 49; 50] — если называть только некоторые имена — в эмпирическом исследовании и в теоретических рассуждениях показывают, что миграция прежде всего вследствие этого стала исходным пунктом сложной политической и социальной проблемы, что благодаря этим глобальным проявлениям возникли процессы социальной интеграции, которые изменили повседневные культурные образцы поведения как принимающих обществ, так и переселенцев. Стало необходимым приспособляться к возрастающей культурной неоднородности. Общий ландшафт Евразии издавна допускал высокий уровень мобильности и позволяет считать миграцию показателем измерения интеграции [10].

5.2. Интеграция на микроуровне: торговцы и мигранты

Миграции европейских и центральноазиатских мелких торговцев и торговков из некогда имевших плановую экономику государств, которые обосновались в Куала Лумпуре, Бангкоке, Сеуле, Дели или средне- и восточноевропейских городах или часто туда курсируют, представляют собой измерение глобализованных микроструктур и их мультилокального присутствия. Как я уже писал, мелкие торговцы продают в Узбекистане товары южно- и восточноазиатского производства, а в южно- и юго-восточных азиатских городах (Дели, Бангкок, Дакар, Куала Лумпур, Сеул и Сингапур) формируются сообщества торговцев из бывших государств Советского Союза [10; 51]. Владельцы отелей, производители и посредники в Индии и других странах уже сориентировались на новую клиентуру и их «lingua franca», русский язык. Нет ничего необычного, если в порту или торговом центре Сингапура или на базаре в Южной и Юго-Восточной Азии встречаются надписи на кириллице или слышатся разговоры по-русски. Меню, справочники покупателя или реклама на русском языке тоже не редкость. Многочисленные торговцы все чаще совершают рейсы между Центральной и Южной и Юго-Восточной Азией. Как и в Куала Лумпур, русскоговорящие торговцы покупают и продают товары на Бонго-базаре в Дакаре, рынках в Дели или в торговых рядах Сингапура. Эти города стали частью постсоветской «евразийской» товарной экономики. Эти городские центры, которые являются плацдармами современных торговых путей, располагают прямым авиасообщением с Ташкентом и/или Алма-Аты. Шим отмечает возникновение инфраструктуры, отелей, торговых партнеров и бюро путешествий и предполагает, что существует обмен торговой информацией в этих местах [52]. Вместе с товарами торговцы из трансформирующихся государств поставляют свои *торговые секреты и установки потребления*.

Рынки в Ташкенте являются в самом настоящем смысле этого слова «евразийскими» — там можно найти все известные «западные продукты»: мармелад Schwartau, сок Granini, хлопья Kellogg's и кексы Bahlsen, мед Langnese, пиво из Баварии и т.д., которые зачастую производятся в восточных и юго-восточных азиатских странах. Другой пример: «евразийский магазин» был открыт вместе с одним турецким супермаркетом. В нем продается детская одежда и игрушки, а также

техника фирмы Moulinex, кружки, кастрюли и посуда. Все товары в этом магазине имеют известные торговые марки, и дороже, чем кастрюли и бокалы, которые обычно производятся в Китае или в других юго-восточных азиатских странах и предлагаются в магазинах за пределами городского центра Ташкента. Все это для «новых русских» и членов номенклатуры, которые могут делать покупки в таких супермаркетах. Богато одетые женщины и мужчины в модных западных костюмах, в одежде в современном узбекском стиле или мусульманской одежде посещают магазины, ассортимент товаров которых намного превосходит ассортимент товаров, производимых на месте. Мусульманки Центральной Азии с интересом читают наравне с европейскими журналами мод мусульманские модные издания из Сингапура или Малайзии, на которые они и ориентируются в своем образе жизни, поскольку афганский или иранский стили и модели жизни им не нравятся.

Центральноазиатские границы Китая, России и Ближнего Востока являются основным элементом развития торговли там, где расширяющиеся неформальные сети и кланоподобные организации развили новые микроструктуры в контексте современных посткоммунистических условий [10; 51]. Однако поскольку есть другие посткоммунистические рынки и торговые соглашения, есть много факторов, включая открытие границ, которые приводят к росту дневных поездок по торговым делам, к меняющейся торговой морали и интеграции рыночных условий в совершенно определенную социальную и культурную среду. Они, с одной стороны, происходят из старых советских времен, а, с другой, находятся в динамичном процессе трансформации [51], в котором традиционные, постсоветские, азиатские и европейские знаки идентичности конкурируют друг с другом.

Существующие параллели между нынешними способами торговли внутри «евразийского» пространства и «большим Шелковым путем» усиливают идею его оживления. Уже во времена Шелкового пути из-за неудобств, бандитизма, длительных задержек и рисков на чужбине делали скорее невероятным осуществление трансконтинентальной торговли через один торговый путь или вдоль одной-единственной сетевой линии. Напротив, товары доставлялись и предлагались на рынках от караван-сарая к караван-сараяу, которые обеспечивали торговцам защиту. Товары часто меняли своих владельцев и перемещались через множество посредников на пути между Азией и Европой. При этом оказывалось, что товары перевозились через этнические границы. Поэтому с давних пор торговля выполняла интегративную функцию, и рыночные площади были и являются местами, где разнообразие скорее благоприятствует торговле, а торговля поддерживает этническую дифференциацию [53].

Как во времена Шелкового пути караван-сарай были целью нападений, так и в наши дни сообщается о том, что бандиты действуют на общей территории между Турцией и Узбекистаном и товары нужно охранять. По сообщению торговцев, иранская таможня конфисковала одну из пяти грузовых машин, что может рассматриваться в качестве дорожной пошлины. Как и тогда, товары сегодня перемещаются способом *Stop-and-go* и попадают с одного рынка на другой. Как и в прежние времена, возникают торговые пункты и приграничные рынки на любом значимом пересечении межгосударственных дорог и на национальных границах. В приграничных городах возникают особые контейнерные рынки. В Чарджоу, одном из городов Туркменистана на границе с Узбекистаном, например, такой кон-

тейнерный базар возник, когда узбекское правительство разрешило ввоз еще только небольшого количества товаров [51]. Там торговцы из Турции встречают своих украинских, юго-восточно-европейских и арабских коллег, чтобы вместе наметить стратегии контрабанды.

Эти немногие примеры показывают как возникновение торговых меньшинств [53], так и то обстоятельство, что экономически мотивированная торговля, современные коммуникативные технологии, мобильность людей, товаров и идей создают общий мир и мультилокальное присутствие по другую сторону границы [54]. Эмпирические исследования* в других частях мира также показывают, что будущие тенденции формальной региональной интеграции уже заявляют о себе тонкими и неформальными процессами интеграции. Так первоначальная интеграция благодаря торговцам и религиозным миссионерам предшествовала становлению ASEAN [10]. Одновременно это именно те границы, которые делают возможной эту торговлю [53]. Приграничная торговля в Центральной Азии после распада Советского Союза заметно увеличилась. Мое исследование в Узбекистане показало, что 83 % ввозимых в страны СНГ импортных товаров, которые везут мелкие торговцы через границы, произведены в Азии [51]. Этот факт мог бы рассматриваться как предвестник или дальнейший индикатор интеграции «Евразии», который эмпирически подтверждает символические евразийские дискурсы дипломатии [10].

5.3. Евразия: виртуальная и масс-медиа интеграция

Наряду с переплетением нефтепроводов, авиалиний, дорог и посредством курсирующих торговцев и мигрантов Евразия становится также и виртуальной. Вместе с соответствующими Интернет-страницами «*Eurasia foundation*», переименованными институтами, чатами и т.д. возникают виртуальные сети и телевизионные каналы, которые ведут к дальнейшей интеграции Евразии. Турецкие телепередачи, которые с мая 1992 г. пропагандируют «Евразию» в Турецкой республике, должны стать двигателем культурной интеграции. Эти программы канала *TRT-MTAVRASIA* (Евразия) создаются в основном в Турции, причем передаются также некоторые программы, произведенные в Центральной Азии. Турецкое телевидение *TRT-IMT* гордится тем, что теперь программы государственного турецкого телевидения можно смотреть от Европы до Китая и от Африки до Сибири и что диапазон его вещания почти так же широк, как у *CNN*.

Широкий спектр символических или массово-информационных опосредованных способов включения мог бы при этом даже поставить под вопрос ранее ведущее значение языка и письма для определения социальных и культурных границ. Медиализация означает здесь феноменологическое исключение пространства, которое Аппадурои [2; 3] понимает — можно сказать, постмодернистски — радикальнее и принципиальнее, чем многие другие теоретики глобализации.

В Окинаве на мировой экономической встрече большой восьмерки в июле 2000 г. в «Окинавской хартии о глобальном информационном обществе» была объявлена

* Здесь я главным образом касаюсь исследований, которые проводились по программе «Социальные и культурные измерения расширения рынка» под руководством Х.-Д. Эверса в исследовательской группе по социологии развития в университете г. Билефельда [см. 53]. Также классическая торговля специями между Китаем и Индонезией и Европой в свое время способствовала интеграции.

цель — обеспечить широкий доступ людей к сети Интернет и другим информационным технологиям. В Центральной Азии также все больше поддерживается создание необходимой инфраструктуры для использования Интернет. Одним из примеров тому служит проект DENEMA (Development of NEw MArkets for telematic products in central Asia) под эгидой ЮНЕСКО. Целью является: «Организация, новых прямых контактов между здравоохранением, образованием и профессиональным бизнесом в Центральной Азии и создателями телематики в Западной Европе для использования новых телекоммуникаций. Цель проекта — определить, какие новые технологии являются наиболее эффективными в этой сфере в Центральной Азии и как эти технологии могут повысить качество обслуживания» [55].

В 1998 г. в рамках проекта DENEMA «Евразия-Online'98» прошла конференция, которая должна содействовать развитию Интернет в Центральной Азии. «Обмен информацией, участие в проектах развития в таких жизненно важных сферах, как образование, здравоохранение и электронная торговля, информационный обмен в основных сферах исследований в Центральной Азии и Европейском Союзе — эти области являются главной целью Евразии-Online'98» [56].

Значение Интернет, однако, заключается не только в содействии международной интеграции, но и в его внутригосударственной функции интеграции. Последнее для центральноазиатских стран особенно важно, так как из-за относительно большой площади государств и низкой плотности населения существует опасность очень неоднородного развития отдельных частей страны. На первой фазе внедрения Интернет поэтому было прежде всего намечено связать между собой институты в самой стране, как, например, министерства, банки и университеты [57]. На второй фазе разрабатывались коммуникации с глобальными сетями данных. Партнерами при этом были и являются, в Кыргызстане, например, Мировой банк и EBRD или в Таджикистане Фонд Сороса и Фонд Евразии, две частные организации из США [58].

Хотя определенные области Интернет, например, электронная почта, уже сейчас используется некоторыми институтами, вероятно, потребуется еще некоторое время на то, чтобы достичь широкого использования Интернет. *«Если в Великобритании на 1000 человек приходится 39 веб хостов, в России — 2 на 1000 человек, а в Азии в целом на 1000 человек приходится только 0,14 веб хостов. Казахстан, Грузия и Армения возглавляют группу южных стран СНГ, причем остальные, сильно от них отстают»* [59].

Шансы центральноазиатских государств в успешной организации Интернет и обусловленного этим общего экономического подъема были всесторонне оценены на «Евразийском саммите» «Мирового экономического форума» и в этом отношении было проведено сравнение с Индией в организации Интернет. «Касперская отметила, что три фактора делают этот регион, как и Россию, привлекательным местом для продвижения Интернет. Квалифицированная рабочая сила, особенно в техническом отношении, высокая мотивация и низкая стоимость труда. <...> Если мы посмотрим на ситуацию в Индии, которая схожа с ситуацией в сфере труда в Казахстане, мы увидим этот потенциал» [60].

В «евразийских» *чатах* в Интернете появились особые искусственные языки: псевдорусский (особенно часто он используется в межэтнических коммуникациях в странах СНГ) и псевдотюркский. Оба языка представляют собой смесь транскрипций из кириллицы на латинский алфавит и упрощенного фонетического пись-

ма и используются для преодоления незначительных языковых барьеров. Они являются предвестниками латинского алфавита, пока языковой реформой он не будет официально введен в учебных заведениях и средствах массовой информации новых независимых государств. Таким образом, виртуальные и масс-медийные сети и объединения образуют новое измерение «Евразии».

6. Выводы

Итак, для все возрастающего числа людей и групп отдельные географические места благодаря их физической или виртуальной мобильности теряют свое значение первичной и исключительной основы идентичности и повседневной жизни и заменяются мульти- и транслокальными социальными Союдами и формами организации. Эти социальные и культурные процессы в Евразии стали следствием рыночной экспансии в связи с распадом Советского Союза. На всей территории Центральной Азии и шире — в России, Европе и Азии устанавливаются торговые связи и формируется постсоветский рынок товаров. Именно в политико-дипломатических дискурсах сталкиваются рыночная экспансия и связанные с нею надежды благодаря заклинию метафоры «Большого Шелкового пути» или «Евразии». Этому уровню соответствует формирование «Евразии» с помощью сетевой транспортной системы, нефте- и газопроводов и т.д.

«Евразия» была представлена здесь как инновационная среда, в которой образуются новые формы социальной жизни и новые культурные формы и структуры. Это означает не исчезновение локального непосредственного жизненного мира, в котором на самом деле протекает повседневная жизнь, находят место чувственный опыт, социальное действие и «социальное конструирование реальности». Напротив, именно локальное становится ареной, на которой концентрируется многообразие глобально опосредованных влияний, воплощаясь — через активное воспроизведение в социальной практике, — в новой комбинации глобальной и локальной, европейской и азиатской культур.

Перевод с немецкого В.В. Козловского

Литература

1. Nederveen R.J. Globalisation as Hybridisation // *International Sociology*. 1994. Vol. 9. No 2.
2. Appadurai A. The Production of Locality // *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge* / Ed. by R. Fardon. London, 1995.
3. Appadurai A. Sovereignty without Territoriality. Notes for a Postnational Geography // *The Geography of Identity* / Ed. by P. Yaeger. Ann Arbor, 1996.
4. Beck U. Was ist Globalisierung? Frankfurt/M., 1997.
5. Hannerz U. *Transnational Connections: Culture, People, Places*. London, 1996.
6. Lynn N.J. Geography and Transition: Reconceptualizing Systemic Change in the Former Soviet Union // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58.
7. Ó Tuathail G. *Critical Geopolitics*. London, 1996.
8. Shlapentokh D. V Eurasianism — Past and Present // *Communist and Post-Communist Studies* 1997. Vol. 30. No.2.
9. Geopolitics in Post-Wall Europe. Security, Territory and Identity / Ed. by O. Tunander et al. London, 1997.

М. Кайзер. Евразия: социальная реальность или миф?

10. Evers H.-D., Kaiser M. Two Continents, One Area: Eurasia // Working Paper № 326, Sociology of Development Research Centre, University of Bielefeld, 2000.
11. Geier W. Russland und Europa — Skizzen zu einem schwierigen Verhältnis, Wiesbaden, 1996.
12. Ignatow A. «Eurasismus» und die Suche nach einer neuen russischen Kulturidentität. Die Neubelebung des «Evrazijstvo»-Mythos // Bericht des BIOst. 1992. Nr 15. Köln.
13. Matl J. Okzidentale oder eurasische Auffassung der slawischen Geschichte? // Saeculum 1953. Nr. 4.
14. Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. Jg. 34.
15. Boss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts, Wiesbaden // Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. 1961. Bd. 15.
16. Roshanskij M.J. Eurasien: Die Gestalt Russlands. Irkutsk, 1999 (in Russ.).
17. Mandelbaum M. Central Asia and the World, Council on Foreign Relations Press. New York, 1994.
18. Neumann I.B. Russia and the Idea of Europe. London, 1996.
19. Neumann I.B. Russia as Europe's Other: Barbarians at the Gate, Gatekeeper and Golden Gate to the Future // Cultural politics and political culture in postmodern Europe / Ed. by J.P. Burgess. Amsterdam: Rodopi B.V., 1997.
20. Neumann I.B. The Geopolitics of Delineating «Russia» and «Europe». The Creation of the «Other» in European and Russian Tradition // Geopolitics in Post-Wall Europe. Security, Territory and Identity / Ed. by O. Tunander et al. London, 1997.
21. Neumann I.B. Russia as Europe's Other // Journal of Area Studies. 1998. Vol. 6. No. 12.
22. Hauner M. What is Asia to Us? Russians Asian Heartland Yesterday and Today. London, 1992.
23. Chinyaeva E. A Eurasianist Model of Interethnic Relations could help Russia find Harmony // Transition. 1 November 1996.
24. Dawisha K., Parrot B. Russia and the New States of Eurasia. The Politics of Upheaval, Cambridge, 1994.
25. Borodaj R., Nikiforov A. Between East and West. Russian Renewal and the Future // Studies in East European Thought. 1993. Vol. 47. No 1–2.
26. Tunander O. A New Ottoman Empire? The Choice for Turkey: Euro-Asian Centre vs National Fortress // Security Dialogue. 1995. Vol. 26. No. 4.
27. Bassin M. Russia between Europe and Asia. The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1.
28. Kulpin E. Russian's place within Eurasia // Acta Eurasica 1996. No 1(2). Moskau (in Russ.).
29. Mackinder H. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904. Vol. XXII. No. 4.
30. Robbins G. The Post-Soviet Heartland: Reconsidering Mackinder // Eurasian Studies. 1994. Vol. 1. No. 3.
31. Agnew J. Geopolitics — Revisioning world politics. London, New York, 1998.
32. TRACECA 2000: www.trcaca.org (20.05.2000)
33. Radvanyi J. Die neue Seidenstrasse führt an Russland vorbei // Le Monde diplomatique. 1998.
34. Cohen A. U.S. Interests in Central Asia and the Caucasus: The Challenges Ahead // Central Asian and the Caucasus. 2000. No. 3 (<http://www.ca-c.org>, 12.05.2000).
35. Hickok M.R. The Other End of the Silk Road: Japan's Eurasian Initiative // Central Asian Survey. 2000. Vol. 19. No. 1. Abington.
36. Cohen A. <http://www.trcaca.org> (20.05.2000).

37. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives.* New York, 1997.
38. Laumuiin M. *Kazakhstan and the West: Relations During the 1990s in Retrospect // Central Asian and the Caucasus.* 2000. No. 3. (www.ca-c.org, 12.05.2000).
39. Cauquelin J., Lim P., Mayer-König B. *Asian Values. Encounter with Diversit.* Richmond, 1998.
40. Huntington S. *Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs.* 1993. Vol. 72.
41. Huntington S. *Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* London, 1996.
42. Kaiser M. *Russians as Minority in Central Asia // Special Displacement Issue, Migration (A European Journal of Migration and Ethnic Relations).* 1998. Nr. 31. Berlin.
43. Wallerstein I. *Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // Global Culture / Ed. by M. Featherstone.* London, 1990.
44. Wallerstein I. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System.* Cambridge and New York, 1991.
45. Giddens A. *Consequences of Modernity.* London, 1990.
46. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft.* Frankfurt/M, 1997.
47. Ashkenasi A., Blaschke J. *Transnationale Netzwerke und Diasporapolitik // Berliner Institut für vergleichende Sozialforschung / Erstes Berliner Symposium zur Migrations/Ethnizitätsforschung.* Berlin, 1994.
48. Pries L. *Transnational Social Spaces. The Example of Mexican-American Labour Migration // Conference Paper / Globalisation of Communication and Intercultural Experience.* Berlin, 18-19.07.1997.
49. Hannerz U. *Kultur in einer vernetzten Welt // Kulturen, Identitäten, Diskurse: Perspektiven europäischer Ethnologie / Hrsg. W. Kaschuba.* Berlin, 1995.
50. Hall S. *The Local and the Global: Globalization and Ethnicity // Culture, Globalization and the World-System / Ed. by A. King.* London u.a., 1991.
51. Kaiser M. *Reopening of the Silk Road. International informal sector trade in post-Soviet Uzbekistan. Doctoral Dissertation.* University of Bielefeld, 1998.
52. Shim U.-S. *Transition to Market Economy in the Central Asian Republics. Korean Community and Market Economy.* Tokyo, 1997.
53. *The Moral Economy of Trade. Ethnicity and Developing Markets / Hrsg. H.-D. Evers, H. Schrader.* London. 1994.
54. Evers H.-D. *Globale Märkte und soziale Transformation // Weltsystem und kulturelles Erbe. Gliederung und Dynamik der Entwicklungsländer aus ethnologischer und soziologischer Sicht / Hrsg. H.-P. Müller.* Berlin. 1996.
55. UNESCO 2000: http://www.katelco.com/UNESCO/denema_en.html#goals (20.07.2000).
56. Humphrey P. *Speech for the Opening Ceremony of Eurasia Online «98 Conference // http://www.katelco.com/UNESCO/denema_en.html#goals* (20.07.2000).
57. Shaymardanova S. *The first E-Mail Note in Tajikistan // http://www.katelco.com/UNESCO/denema_en.html#goals* (24.05.2000).
58. Dudin A.V. *Internet in Kyrgyzstan: History, Current Situation, Nearest Perspectives // http://www.katelco.com/UNESCO/denema_en.html#goals* (24.05.2000).
59. *World Economic Forum 2000: When will the IT Revolution Hit the Region? // Press Releases des «Eurasia Summit» (<http://www.weforum.org>, 15.05.2000).*
60. Kasperskaya N. *Speech on the «Eurasia Summit» // http://www.weforum.org, (15.05.2000).*